

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

ЖЕРТВЫ НОВОГО НАШЕСТВИЯ

Две судьбы ветеранские

Мы встречаем победный юбилей как величайший праздник. Ещё бы! Советская страна выдержала тогда такое испытание, какое вряд ли под силу было любому другому государству.

Но вот через полвека не стало этой страны. А если уж совсем точно, полвека спустя после начала Великой Отечественной. Сопоставьте: 1941-й — 1991-й.

В первый год войны декабрь стал месяцем, когда зарвавшихся фашистских завоевателей, которые уже готовились праздновать свою победу, повернули вспять и погнали прочь от столицы Советского Союза. Но прошло пятьдесят лет, и тоже в декабре, почти день в день, тайком подписан был в Беловежской пуще акт о ликвидации Советского Союза. То есть план Гитлера, который фюрер так и не смог осуществить, полвека спустя реализовали другие.

Кто и как это было, мы знаем. Почти одновременно с 70-летием Великой Победы нам приходится отмечать ныне 30-летие начала крупнейшего в нашей истории поражения. Начиналось под фанфары: “Перестройка, ускорение, больше социализма!..” Обернулось уничтожением социализма и первой в мире социалистической страны. На радость всем её врагам, внешним и внутренним.

Однако какую трагедию пережили те, кому Советская Родина была дороже всего на свете, кто во время войны, не щадя себя, беззаветно шёл её защищать!

Я написал: пережили. Но ведь пережили-то далеко не все. Многих через десятки лет после Победы убило происшедшее со страной. Есть ли точная статистика жертв горбачёвской “перестройки” и ельцинских “реформ”? Человеческие потери ужасающие, и они продолжают сегодня, особенно на Украине.

Это общая трагедия советского народа, против которого организовано было новое нашествие. Но это и бесчисленные тысячи личных трагедий, среди которых особо вопиют трагедии ветеранов Великой войны. Преданных, оклеветанных, подвергшихся жуткому глумлению.

Мы не сможем сейчас вспомнить и назвать всех поимённо, хотя помянуть их мы обязаны. Не встретит вместе с нами 70-летие Великой Победы фронтовая медсестра и талантливый поэт Юлия Друнина, покончившая с собой осенью 1991-го. Не поднимет юбилейную чарку защитник Брестской крепости Тимеян Зинатов, который в 1992-м лёг на рельсы, протестуя против лицемерной и убийственной политики Ельцина. И в украинском Мелитополе не наденет парадный мундир полковник Филипп Штанько, Герой Советского Союза, убитый в 1993-м ими же, убийцами СССР...

Так давайте для начала вспомним хоть двоих из скорбного мартиролага ветеранов войны — жертв предательского антисоветизма, который ныне уже ведёт к оправданию и возрождению новоявленного фашизма.

Давайте вспомним и поклонимся святой памяти спасителей Отечества, защитников правды и справедливости...

Лёг на рельсы солдат

Бывают в жизни события, которые нравственной силой своей подобны мощному взрыву. Именно так прозвучали мелькнувшие в нескольких газетах беглые сообщения о трагедии, происшедшей в городе Бресте. Один из защитников легендарной крепости-героя, приехав сюда в сентябре 1992-го из Усть-Кута Иркутской области, где он жил и работал последние годы, бросился под поезд.

Строки предсмертного письма, повторенные газетами, в том числе “Правдой”, заставили вздрогнуть. “Если бы тогда умер от ран, – написал старый солдат, – я бы знал: погиб за Родину. А вот теперь – от собачьей жизни... Не считайте меня сумасшедшим”.

Боже, думалось мне, до чего же мы докатились! Человеку, защищавшему Отечество в годину смертельной опасности, не оказалось места на этой земле.

Дни бегут за днями, газеты выходят своим чередом, печатая очередные новости, перекрывающие одна другую, а эта, ставшая вчерашней, кое-кем уже и забывается. Но мы не можем, не имеем права забыть! Мы обязаны разобраться и вдуматься, вникнуть и понять: что же за человек он был, Тимерян Зинатов, какая у него была жизнь, каковы обстоятельства и уроки страшной трагедии? Да и его ли только личная это трагедия? Или целого поколения, всей страны?

* * *

Вместе с научным сотрудником мемориального комплекса “Брестская крепость-герой” Аллой Соболевской осенью 1992 года иду по двору цитадели. Алле Фаритовне хорошо знаком здесь каждый уголок, и она подробно рассказывает о местах, где в роковые июньские дни 41-го вместе с боевыми товарищами держал оборону юный Тимерян – курсант полковой школы 44-го стрелкового полка.

– Видите вон те развалины? – показывает она в сторону руин, поросших высокой травой. – Это как раз остатки казармы, где размещались курсанты и возле которой, на берегу реки Мухавца, приняли они утром 22 июня свой первый бой. Начальником полковой школы был старший лейтенант Василий Иванович Бытко, награждённый ещё за финскую войну орденом Красного Знамени. “Наш Чапай” – называли его воспитанники.

Здесь произошло памятное событие, о котором рассказал в своей знаменитой книге исследователь и летописец брестской обороны писатель Сергей Смирнов. Он привёл выдержку из письма бывшего курсанта Зинатова: “Когда наш штаб горел, мы – Амосов, Гущин и я – из огня вытащили полковое знамя и спрятали под кухней столовой 44-го полка в подвале”. Тогда же, во время неудавшегося прорыва к Северным воротам, Тимерян был ранен.

Постояли мы с Аллой Фаритовной возле подвала казармы 333-го стрелкового полка, куда отправили раненого Зинатова. Он был очень слаб, но обузой для товарищей оставаться не хотел. Снаряжал пулемётные и автоматные диски, брёл за патронами в склад боепитания. А через день и сам взялся за оружие.

Из воспоминаний Тимеряна Зинатова: “26 июня решили прорваться через Мухавец. С легкоранеными собралось человек сто. К воде под сплошным вражеским огнём ринулись внезапно. На другую сторону переправилось чуть больше десятка. Заняли один из казематов против Трёхарочных ворот.

Патронов мало. Еды и воды не было совсем. Днём отстреливались от наседавших гитлеровцев, а ночью пытались найти щель в боевых порядках врага. Но каждый раз нас обнаруживали”.

К 30 июня из всей группы осталось четверо. Трое вели огонь через окна, а вторично раненный Зинатов охранял подступы к дверям. Ему отдали единственную гранату. Метнул её в наступающую группу фашистов. Тут и самого оглушило сильным взрывом...

Дальше – плен, все тяготы концлагеря. Неудачная попытка побега. Второй побег, и возле чехословацкой границы летом 1944 года они вместе с другом выходят навстречу одной из наших частей. Войну он закончил рядовым

в составе 277-го гвардейского отдельного истребительного противотанкового артополка.

* * *

Здесь мне надо бы сделать паузу, поскольку биография солдата Зинатова сменяется биографией Зинатова-строителя. И воспроизводил я её для себя по письмам, адресованным им в Брестский музей-мемориал и бережно собранным тут с 1958 года в толстой зелёной папке его “дела”.

О, как много отразилось на этих листках, исписанных размашистым, быстрым почерком! Характер, работа, быт, география... Татарин, родившийся в Башкирии, он стал после войны сибиряком и нашёл в этом крае, можно сказать, свою новую судьбу. По адресам вижу, как эта судьба бросает его с одного места на другое и уводит всё дальше на восток, в тайгу, в необжитые места. Сначала строил дома в Кемерове и Прокопьевске. Потом трест “Юж-кузбассэнерго”. Томь-Усинская ГРЭС. Затем трест “Ангарскстрой” – строительство железной дороги Братск-Хребтовая-Усть-Илимск. Наконец – БАМ.

Нынче многие склонны злословить по поводу тех “ударных строек” и “совков”, которые рвались туда, где труднее. Что ж, история рассудит. Но у меня лично нет ни малейших сомнений в чистоте помыслов таких людей, как Тимерян Хабулович. В домах, которые он построил, живут и будут жить люди. “Люблю что-то сделать и полюбоваться делом рук своих”, – вырвалось у него в одном из писем. И в партию он вступил не ради карьеры: какая уж карьера у рядового каменщика и плотника! И медали “За строительство Байкало-Амурской магистрали”, которая прибавилась к боевым орденам Славы и Отечественной войны, искренне радовался.

Но вот читаю письма, приближаясь к последним его дням, и чувствую, вижу: будто чёрная туча наползает на былой оптимизм. Нарастают тревога и озабоченность, всё чаще звучит горькая усмешка.

Из последних писем в музей Тимеряна Зинатова: “Мы живём “хорошо” и “счастливо”. Магазины “полны товаров”, и “тепло” в домах. И морозов сибирских даже больше, чем надо, и для мяса не надо холодильников, оно на балконе хорошо сохраняется, да вот только талоны мешают. Их так много, а продуктов так мало... Вот всё В. И. Ленина винят, когда сами работать не умеют, а всё заседают по Маяковскому и ждут от немцев и др. помощи. Даже смешно”...

“Привет из далёкой Сибири! Поздравляю вас всех, всех, всех с Новым, 1991 годом. Желая вам счастья и здоровья. Дай Бог нам всем, чтобы мы долго, навсегда забыли, что есть такое слово – “война”. Мы многое пережили, как бы трудно ни было, и разрушенное восстановили. Теперь надо бороться, чтобы построенное не было глупцами разрушено. Это будет страшнее войны. Некоторые дышло истории хотят повернуть по-своему. Надо бороться, чтобы был единый наш Советский Союз, только тогда мы будем уверены, что над нами не повиснет вновь 1941 год. Если мы не будем делить страну на карманные государства. Вот что страшнее войны! Я этого боюсь. Этого нельзя допускать! Это будет смерть всем. Не хотел огорчать вас, но высказать всем об этом – моя обязанность. Это наши предсмертные наказы ветеранов войны”.

Читатель, обрати внимание! Письмо это написано в канун 91-го года, который, как и 41-й, стал роковым для нашей страны. Невероятно больно, однако то, чего так боялся и о чём предупреждал ветеран (“страшнее войны”), произошло. И по какой-то зловещей иронии судьбы произошло именно здесь, в Беловежской пуще, то есть на той самой брестской земле, которая пятьдесят лет назад была обильно полита кровью людей всех национальностей нашего великого Союза, его защищавших. Можно представить, как отозвалось это в сердцах воинов-ветеранов...

* * *

Мне хотелось по возможности восстановить последние дни Тимеряна Хабуловича, и по моей просьбе иркутский корреспондент “Правды” Владимир Ермолаев связался с Усть-Кутом. Там, в строительно-монтажном поезде

№ 288 треста “ЛенаБАМстрой” о Зинатове рассказали много доброго. Мастер – золотые руки. Скромнейший человек. Никогда для себя ничего не просил. Вон в военкомате даже не помнили, что в городе живёт защитник Брестской крепости. Но за справедливость, когда это касалось других, всегда вставал горой.

Семья? Хорошая, дружная. Настроение же его в последнее время (скверное настроение!) объяснялось, конечно, тем, что творится в стране. Когда ветераны войны еле сводят концы с концами, когда боевыми наградами, омытыми кровью, торгуют на толкучке, какое может быть настроение?

А в Брест он на этот раз уехал неожиданно для родных и знакомых (вроде не собирался), хотя раньше старался съездить туда почти каждый год: встретиться со старыми друзьями, возложить цветы погибшим. Увы, и здесь его ждало мало приятного. Мемориал, некогда принимавший до миллиона туристов в год со всей страны, пустовал. Понятно: не поедут же сюда из Таджикистана или Грузии, Армении или Азербайджана, охваченных военным пожаром. Да и многие приезжающие откуда-нибудь скорее побегут на вещевой рынок, нежели в музей. Вот он, холодный ветер забвения!

Тимофей Петрович Домбровский, один из четверых защитников цитадели, живущих ныне в Бресте, с горечью рассказывает: впервые в 1992 году (дело было при Шушкевиче) 22 июня городские власти не провели в крепости торжественно-траурную церемонию, посвящённую началу войны и обороны. Возмущённый ветеран позвонил председателю горсовета И. Венцелю.

- А мы этот праздник не отмечаем, – ответил тот.
- Да не праздник – начало всенародной трагедии!
- Не вмешивайтесь не в своё дело.

А сколько горького, обидного поведаль мне тогда директор мемориала Павел Нестерович Панасюк! Брошенные на произвол судьбы городскими властями, варварски громятся и растаскиваются по дачным участкам бывшие казармы полковой школы 84-го стрелкового полка на Госпитальном острове. Все городские предприятия и организации прекратили многолетнее шефство над мемориалом. Из светильников и прожекторов воруют лампы. Украли даже ящик, в который собирались пожертвования на восстановление мемориала. А в Вечный огонь подвыпившие в соседней столовой гуляки могут бросить бутылку и дважды уже сбивали с плиты бронзовые буквы: “Стояли насмерть. Слава героям!”

Ну, что это? Святотатство. Кошунство. И всё это узнал при своём последнем приезде в священный для него город Тимерян Хабулович. Есть люди, которые, по-моему, как бы собирают и концентрируют в себе душевную боль многих. Такой была Юлия Друнина. Таков и Тимерян Зинатов.

Из письма в газету “Вечерний Брест” инвалида войны второй группы С. Антипорука: “Умирают по своей воле люди, сильные духом и преданные своим идеалам. Это вызов нашему обществу. Всех ветеранов оно обворовало, обесценило их труд, сбережения и бросило в пропасть нищеты. К сожалению, нередко теперь можно услышать упрёки и насмешки в адрес ветеранов. Награды для кого-то – “бляшки”, пролитая кровь – “водица”, победа – “историческая ошибка”... Молодёжь натравливают на стариков. Мол, мы виноваты во всех грехах истории...”

Очень больно переживать унижения и оскорбления, ведь шли на тяжёлые испытания ради лучшей жизни. А что получили на старости лет? И есть ли будущее у такого общества, которое не почитает своих стариков?”

* * *

В заключение должен сказать ещё об одном: как проводили Зинатова в последний путь. Я-то думал, что станет это событием для всего города, если даже не области. Ведь один из последних участников исторической обороны уходит!

Нет, на похороны, кроме прилетевших родственников, собрались только сотрудники музея и несколько ветеранов. Всего человек двадцать. Единственный венок – от мемориала. А как же опять-таки городские власти? Почему от них-то не было ни-ко-го?

– Но ведь город взял расходы по захоронению на себя, – говорит начальник производственного объединения жилищно-коммунального хозяйства Брестского горисполкома В. Воробей.

Взял расходы – это правильно, хорошо (могло ли, впрочем, быть иначе?). Но вот ветеран в предсмертном письме просил похоронить его “в зоне Брестской крепости”: тут, рядом, гарнизонное кладбище, где покоится и майор Пётр Гаврилов – командир полка, где Зинатов служил. Верно, четыре года назад кладбище это закрыли для захоронений, хотя, как говорили мне, “в порядке исключения” хоронят. Собственно, об этом и просило руководство мемориала, обращаясь к руководству горисполкома. Не вняли просьбе!

– А почему? – спрашиваю Воробья. – Ведь, по-моему, здесь и воинский салют был бы не лишним.

– Да знаете, – мнётся мой собеседник, – тут исполком надо было собирать, чтобы решить. Да и вообще... Самоубийство всё-таки.

Ах, Василий Борисович уважаемый вы мой! Самоубийство... Не самоубийство это было, а самое настоящее убийство. Причём, как определяется в Уголовном кодексе, при отягчающих обстоятельствах. Государство нынешнее убило человека – нищетой и жестокостью, бездушием и отчаянием, циничным антисоветизмом.

Из предсмертного письма Тимеряна Зинатова: “Извините, что таким образом объявляю протест нашему ельцинско-гайдаровскому правительству. Конечно, это не метод борьбы, но другого выхода у меня нет бороться с теми, кто нас, ветеранов, поставил на колени. Но я хочу умереть стоя, чем так жить на коленях и просить нищенское пособие для продолжения своей старости и дотянуть до гроба с протянутой рукой!..”

Наверное, все помнят: президент России клялся лечь на рельсы, если допустит ухудшение уровня жизни народа. Однако на рельсы лёг старый солдат – защитник Отечества. Положил жизнь за други своя. За всех нас. Вечная память!

Смерть в Мелитополе

В летний день 1993 года городские газеты Мелитополя вышли с траурным сообщением: на 88-м году трагически ушёл из жизни Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, ветеран Вооружённых Сил, полковник в отставке Штанько Филипп Феофанович.

Некролог – жанр краткий, много о большой жизни человека в нём не скажешь. Только отдельные факты, беглые штрихи. Прошёл путь от красноармейца до полковника, отдав воинской службе 28 лет. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени и многими другими орденами и медалями. В 1944-м за мужество и отвагу, проявленные в бою с фашистскими захватчиками, присвоено звание Героя Советского Союза. После службы в армии свою жизнь посвятил патриотическому воспитанию молодёжи.

Вот, собственно, и всё, что мог узнать читатель из официального извещения, кончавшегося традиционным выражением глубокого соболезнования семье, родным и близким покойного. Но ведь было здесь ещё и слово “трагически”. Что за ним?

Местные газеты, прореагировавшие потом на смерть ветерана своими выступлениями, сосредоточили внимание на драматическом эпизоде, который действительно сыграл в судьбе Штанько немалую роль. И об этом, конечно же, надо рассказать.

Был полдень, когда в квартире Филиппа Феофановича раздался тот роковой звонок. Дверь открыла жена – Прасковья Андреевна. Перед ней стояли двое молодых людей. Представились: студенты института механизации сельского хозяйства, а цель визита – собрать материал про жизнь героя, чтобы написать о нём.

Естественно, гостей радушно пригласили в комнату. Один из них раскрыл блокнот, и Филипп Феофанович стал рассказывать. Супруга тем временем готовила на кухне чай. Затем все переместились туда, продолжая разговор. “Студенты” по очереди выходили – якобы в туалет, возвращались, задавали какие-то вопросы. Когда же ушли совсем, Филипп Феофанович обнаружил, что на парадном кителе, висевшем возле книжного шкафа, нет Золотой Звезды Героя, а также орденов Суворова и Богдана Хмельницкого. Их не просто сняли – их вырвали, что называется, “с мясом”...

Через две недели ветеран покончил с собой.

* * *

Предвижу, читатель спросит: что, всего лишь из-за наград? Серьёзный вопрос. Ища ответ на него, я и поехал в Мелитополь.

Теперь знаю, что горестный случай с боевыми наградами, как я уже сказал, и в самом деле многое определил в трагическом решении старого солдата. Для него, проливавшего кровь за Родину (трижды был ранен!), искренне и глубоко преданного её идеалам, коммуниста более чем с 50-летним стажем, это оказалось гораздо больше, чем “всего лишь” делом оскорблённой воинской чести. Добавьте сюда драму обманутого доверия: ведь мошенниками стали молодые люди — из тех, кого он надеялся и пытался воспитать достойной сменой своего поколения. Выходит, тщетно?

Прасковья Андреевна и друзья покойного поведали мне, как мучился он, каким подавленным, угнетённым был все эти две недели, безнадежно порываясь мыслями уйти от происшедшего. Последняя запись в дневнике: “Приходил милиционер Попелешко, которому поручено вести дело. Положительного ничего не мог сказать. Всему этому конец”. А в предсмертном письме, названном им “Последнее письмо жизни”, есть такие слова: “Пользуясь моим доверием, эти подлецы нагло украли то, что я заслужил своей кровью в борьбе с врагами, защищая Родину. Они не подумали, что эти награды стоят мне жизни, и этого удара я не в силах пережить”.

Да, вот так и получилось, в конце концов. И всё же, побывав в Мелитополе, поговорив с десятками людей, хорошо знавших Филиппа Феофановича, познав жизнь и мысли других ветеранов войны, утверждаю: драма с наградами стала каплей, переполнившей чашу. Детонатором взрыва, который назревал и готовился давно. Потому что мучился ветеран не только две последние недели своей жизни — все последние годы. Как и многие его товарищи по трудной и благородной фронтовой судьбе.

* * *

Местные газеты, словно сговорившись, назвали свои материалы о гибели Штанько так: “Подлости не смог перенести”. Согласен. Правильно. Это — подлость! Но чья? Только ли двух молодых подонков, коварно проникших в его дом и покусившихся на святая святых — боевые награды? Или значительно шире — подлость в государственном масштабе? Разве не стали те двое чудовищным порождением дикой вакханалии по охаиванию всего советского прошлого, которая под лозунгом плюрализма и демократии целенаправленно развернулась как в России, так и на Украине за время “перестройки” и “реформ”?

Будто предвидя неизбежность такого вопроса, сильно “демократическая” газета “Мелитопольские ведомости”, руководимая, кстати, бывшим инструктором горкома партии, поёживаясь от неловкости положения, написала в своём комментарии: “Нет, мерзавцам, ставшим причиной гибели ветерана, не по восемь лет, воспитывались они не с восемьдесят пятого, и это — никакая не демократия”.

Неужели? Вы так считаете, господа? Позвольте с вами не согласиться. Это как раз и есть ваша “демократия” в самом ярком её проявлении. Когда нет ничего заветного, когда всё дозволено, когда за деньги, которые повелевают всем и вся, можно продать чуть ли не мать родную. Как же! Рынок есть рынок. Он заменяет совесть.

И за аргументами в этом споре с вами мне далеко идти не надо. В том же вашем номере, где помещены некролог в связи с гибелью Штанько и ваш насквозь фальшивый, лицемерный комментарий, на той же странице, совсем рядом, вы публикуете ничтоже сумняшеся следующее объявление: “Магазин “Меценат” реализует и купит за наличный расчёт предметы антиквариата (ювелирные изделия, иконы, картины, бронзу, фарфор, часы, награды и др.)”. Награды. . . Это ли не кощунство — провожать в последний путь ветерана таким циничным объявлением? О чём думали вы, завёрстывая его в газетную полосу?

Журналистская и прочая братия определённого пошиба отнюдь не бездумно открыла стрельбу по нашим героям. Вы помните, что сделали новоявленные палачи с Зоей Космодемьянской? Филипп Феофанович со своими

бойцами освобождал подмосковное Петрищево, где она была казнена. И мне рассказывали, какой острой болью отозвалось нынешнее издевательство над светлой памятью героини в сердце старого воина.

Он освобождал и Краснодон. А как надругались сегодня над комсомольцами “Молодой гвардии”! Тут не только клеветнические пасквилы в прессе – были сброшены с пьедесталов бюсты юных подпольщиков в городском сквере Луганска, потом исчез бюст Олега Кошевого. Причём одна из газет откликнулась на это заметкой под ёрническим заголовком “Исчезают герои, убегают собаки”, демонстративно смешав в одну кучу памятник патриоту, погибшему за Родину, и... собак, загрязняющих сквер.

Характерный факт: президент Украины не внял просьбе общественности Краснодона отметить 50-летие создания “Молодой гвардии” на государственном уровне. Зато одновременно, словно в пику героям-комсомольцам, активно поддержал празднование 50-летия УПА. Той самой “украинской повстанческой армии”, которая повинна в смерти более тридцати тысяч мирных граждан, партизан, воинов Красной армии. Той самой, с которой командир 56-й мотострелковой бригады Филипп Штанько не раз сталкивался в боях и последыши которой зверствовали в районах вокруг Луцка, где он служил в первые послевоенные годы. Теперь они, верные прислужники немецких фашистов, нагле, самодовольные, как новые хозяева жизни высаживают по улицам украинских городов, по площадям столичного Киева, по экранам кинотеатров и телевизоров. На щит славы поднята и дивизия СС “Галичина”, объявленная в своё время международным Нюрнбергским трибуналом, как и другие боевые формирования СС, а также СА и СД, преступной организацией.

Заветной мечтой и главной целью Гитлера было уничтожить Советский Союз. Не удалось! Сорвалось! Обломал зубы. Но его мечту осуществили наши правители 90-х! На горе всем честным людям и, разумеется, в первую очередь, ветеранам, не щадя себя, строившим и в огне защищавшим великую страну. Ни с чем не сравнимая трагедия... Ближайший друг Штанько, подполковник в отставке Иван Иванович Солдатенков говорил мне, как страдал Филипп Феофанович в связи с этим:

– Какой я теперь Герой Советского Союза! Нет больше Союза, который мы, люди разных национальностей, отстояли в борьбе.

И людям разных национальностей (мы видим это!) стало гораздо хуже жить. Мой приезд в Мелитополь совпал с Днём незалежности, то есть независимости, Украины. Однако совсем непраздничным выглядел в городе этот солнечный августовский день 1993 года. Едва ли не главная его примета – длинные очереди возле хлебных магазинов. Оказывается, перебои с хлебом стали, как и в других украинских городах, обычным явлением. И это – при богатейшем урожае, выращенном в республике. Нехватка товаров, гиперинфляция, дороговизна, остановка заводов, безработица – тоже новые будни.

Когда я поздравил с новым официальным праздником ещё одного друга Штанько – Героя Советского Союза Николая Александровича Опышко, – он искренне возмутился:

– Вы что? Для меня это никакой не праздник! Да и для кого он в радость? Почти все, с кем встречался я в Мелитополе, говорили мне то же самое...

* * *

А в конце – ещё несколько слов о боевых наградах, с которых мы начали наш сегодняшний разговор. Они – символ воинской славы народа, символ чести страны, одержавшей Великую Победу в величайшей войне. “Святыни” – не просто громкое слово. Это действительно святыни. И отношение к ним в обществе о многом свидетельствует.

Меня глубоко взволновал случай, о котором рассказал машинист-инструктор Мелитопольского локомотивного депо Виктор Васильевич Сорочан. При нём на автобусной остановке развязный парень вызывающе и пренебрежительно бросил стоявшему в очереди Штанько, указывая на Золотую Звезду:

– Эй ты, дед, сними свою побрякушку! Немодно это нынче.

Старик побледнел, сжался – его словно ударили по щеке...

А вот во Львове и Тернополе, Ивано-Франковске и Ровно ветеранов Великой Отечественной по-настоящему били. Распоясавшиеся боевики из наци-

онал-фашистских отрядов так называемой украинской народной самообороны (УНСО), повторяющих путь гитлеровских штурмовых отрядов, били ветеранов и с ненавистью срывали с них ордена и медали, заслуженные в боях с фашистами.

Ну, и, конечно, на Украине, как и в России, награды за боевые и трудовые подвиги стали предметом бессовестного торга, спекулятивного ажиотажа, попадая в руки грязных базарных барыг. Причём некоторые издания не противостоят этому, а, наоборот, подогревают гнусный ажиотаж. Наградные знаки они рассматривают и рекламируют просто как выгодный, дорогой товар.

Чего стоит хотя бы заметка в газете “Киевские ведомости” с подробной информацией о содержании драгоценных металлов в советских орденах. Красноречив заголовок: “Если вам предложат за орден Суворова “Мерседес”, откажитесь, орден стоит дороже”. Не отстают и “Мелитопольские ведомости”. Противно читать бухгалтерские подсчёты некоего Николая Оксы, который с доскональным знанием торговой конъюнктуры составил свой рекламный проспект под заголовком “Орден Ленина. Дорого. Кто больше?” Истекая сладострастной слюной, автор излагает, сколько в каком ордене платины, золота, серебра, как распределяются знаки по редкости наградений, сколько стоят на сегодня в рублях и в долларах.

Плоды подобной рекламы налицо! Развернулась настоящая охота за орденами и медалями. В Мелитополе пострадал не один Штанько – почти одновременно похищены награды у полного кавалера орденов Славы В. Полупана, участника Парада Победы В. Симоненко, полковника А. Тихомирова, в соседнем Бердянске – у дважды Героя Советского Союза Е. Кунгурцева...

Заметьте: бизнесмены, наживающиеся на необычном товаре, который становится уже обычным, ничем особенно не рискуют. Была в украинском Уголовном кодексе статья, предусматривавшая наказание за куплю и продажу государственных наград, но в прошлом году исключена. Как объяснили мне в мелитопольском суде, речь шла о государственных наградах СССР. Ну, а поскольку СССР больше не существует, чего там церемониться! Остался лишь пункт в Кодексе об административных правонарушениях: предупреждение или штраф... до половины официально установленного минимального размера зарплаты. Килограмм варёной колбасы! Сильно, ничего не скажешь...

* * *

О каждом обществе, наверное, можно судить по отношению к его героям. Режимы, утвердившиеся на развалинах уничтоженного Советского Союза, истинных героев предали. Героями делают предателей: в России – генерала Власова, чей флаг стал государственным, на Украине – Степана Бандеру. Торжествуют торговцы в храме – торговцы орденами и Родиной.

Не в силах вынести жестокое глумление, униженные, оскорблённые, оплётанные, некоторые из наших героев предпочитают не жить, а умереть. Так ушли фронтовая медсестра Юлия Друнина и защитник Брестской крепости Тимеян Зинатов. Теперь вот комбриг Филипп Штанько. Русская, татарин, украинец. Обнажённые нервы и обострённая совесть соединили их в скорбной жертвенности. Безнравственная, безжалостная власть убила их! Нет прощения за это!

* * *

А ввергнутая ныне в разгул самого настоящего фашизма Украина стала закономерным продолжением антисоветского нашествия, начатого на рубеже 1980–90-х. Того нашествия, жертвой которого стал и советский офицер, коммунист Филипп Штанько.